

Василий Выхристенко**«У самовара» на Невском проспекте**

Мы с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым неторопливо шли по левой стороне Невского проспекта от Дворцовой площади в сторону Московского вокзала. Нам нужно было в знаменитую библиотеку — "Салтыкову", и мы остановились в раздумье: где бы лучше перейти Невский. Дмитрий Сергеевич, любящий прогуливаться под сводами Гостиного двора, предложил немного вернуться и перейти возле здания бывшей Думы. Пока мы рядились, возле нас остановилась пожилая, но стройная, подтянутая женщина и, поздоровавшись, предложила:

— Дмитрий Сергеевич, для решительности действий следовало бы отведать по чашечке кофе.
— О, пани Фаина! — улыбнулся академик. — Вы, как всегда, правы. К тому же в кафе "Север" есть огромнейший медведь и не менее знаменитый самовар.

Дмитрий Сергеевич представил меня женщине, и мы вошли в кафе.
— Ну, Мишкой вас не удивить, — сказал Дмитрий Сергеевич, кивнув в сторону чучела белого медведя, а вот к самовару приглядитесь. Он у нас волшебный и весьма достойно воспет многими.

— А что, — спросил я, — не тот ли он самый, который "У самовара я и моя Маша"?

— Вот-вот, — Дмитрий Сергеевич пригубил чашку. — А кто автор слов? Ну-ка, напрягись, подполковник.

— По-моему, народ. Когда-то в Одессе на Староконном рынке я купил пластинку, где на рентгеновской пленке с изображением ребер была записана эта песня.

— Матка боска! — всплеснула руками Фаина Марковна, (так звали нашу спутницу). — Придется согласиться, Дмитрий Сергеевич: если на ребрах, то действительно, слова народные, да и музыка тоже.

— И тем не менее автор музыки и слов этой песни, — неторопливо произнес Дмитрий Сергеевич, — прелестная наша Фаина Квятковская. Я, как говорится, опешил, но быстро собравшись, взял покоящуюся на салфетке руку пани Фаины и поцеловал ее. Напомню читателю, что было это в середине восьмидесятых, и я носил еще военный мундир.

...Эту песню одни ругали, другие хвалили — страстно и вразбег. Но как бы то ни было, у этого шлягера оказалась невероятная долгая жизнь. Как не менее долгой и тоже непростою оказалась жизнь ее хозяйки. Самым фантастичным и невероятным было то, что Фаина Квятковская сидела рядом и спокойно пила кофе.

...Тридцатые годы, тихий вечер в Варшаве. В доме собралась гости, и шестнадцатилетняя дочь хозяйки наигрывает шутивную песенку. К концу вечера к великому удоволь-

ствию родителей все гости уже распевали на польский манер:

"У самовара я и моя Маша,
а на дворе совсем уже темно".

В доме Квятковских в тот вечер был гостем директор одного из варшавских театров и песню шестнадцатилетней Фаины он взял для спектакля. Популярность песни росла. Ее сразу же включил в свой репертуар польский эстрадный певец Арполин Нюма. Он с ней объездил пол-Европы, а в 1933 году, гастролируя по Прибалтике, записал ее на пластинку. Потом пластинка попала к Леониду Утесову, которому она очень понравилась, и певец включил ее в репертуар, придав своим исполнением особый блеск и доверительность шлягеру.

— Пожалуй, Леонид Осипович один, — сказала Квятковская, — пел ее так, как задумывала я: озорно, иронично, с некоторым оттенком пародии. Уже позже из-за некачественного исполнения, которым грешили другие певцы, песню немало досталось от музыкальной критики. К слову, было много вариантов этой песни, но все же мой победил.

У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
Как в самоваре,

так кипит страсть наша.
Смеется месяц весело в окно.

Маша чай мне наливаєт,
И взор ее так много обещает.
У самовара я и моя Маша —

Вприкуску чай пить будем до утра!
Правда, узнала я об этом гораздо позже, уже после войны. Тогда-то и мне попалась в руки пластинка на тех самых пресловутых ребрах, о которых вы напомнили...

Судьба, подобная нашей, не была редкостью, — задумчиво продолжала она. И вот как-то в доме творчества моим соседом по этажу оказался Лев Никулин. Я знала о нем мало, прочитала к тому времени только его "России верные сыны". А тут взяла в библиотеке книгу "Чехов. Бунин. Куприн". Читать-то его читала, а в лицо автора не знала. Он, заметив свою книгу в моих руках, сам подошел, представился. То да се. Разговорились. Коснулись польской когорты поэтов, писателей, музыкантов. Я ему рассказала о себе. И тут Лев Вениаминович неторопливо заговорил:

— Вашу судьбу мог повторить и Юрий Олеся. Но волею судьбы, только его родители повторили. Они оказались в Польше, есть такой городок Гродно. Я после воссоединения в 1939 году оказался в этом городке и навестил стариков Юрия Карловича: отец — такой важный и представительный пан с пышными и совсем белыми усами, мать — Ольга Владиславовна, женщина властная и строгая. Я ей рассказываю, что Юрий известный писатель, а она все

восклицает: "Нет, ты слышишь, Карл, ты только представь — Юра нас никогда никто не победит. Храбрее нет советского солдата, Об этом мир сегодня говорит."

Кто-то донес, и меня арестовали. Допросы. Допросы. Но гестаповцы в случае со мной перехитрили сами себя. Решив, что я, Квятковская, советская разведчица, они выпустили меня и установили слежку в надежде выйти на резидента и других разведчиков: в это время польхало Варшавское восстание. Но через несколько дней Варшаву освободили солдаты Советской Армии и Войска Польского.

Я, немного осмелев, спросил у Квятковской, как вышло что и песня "У самовара", и песня о советском солдате написаны, да, в Польше, но на русском языке?

— А как же иначе? — ответила пани Фаина, разглаживая под блюдечком узорную салфетку, — ведь я родилась в Ялте и нашу страну всегда считала своей родиной. А в Ленинграде всегда жили родственники матери, вот к ним мы и переехали с мамой после войны. В Польше мы оказались в результате перипетий гражданской войны. Такое было во все не удивительным в те годы. Документы наши сохранились, черновики и первые издания песни тоже, я легко доказала свое авторство. Во Всесоюзном агентстве по охране авторских прав не могли упомянуть случая, чтобы авторские поступали свыше пятидесяти лет без перерыва. Это нам всегда было хорошим подспорьем... но жаль, что поздно. Вот взгляните, — показала она небольшую справочку — как раз несущее в бухгалтерию нашего профкома. Как видите, это 1974 год.

"В связи с письмом ВААП о защите имущественного права и авторского права на имя т. Квятковской Ф.М. управлением фирмы "Мелодия" дано указание Всесоюзной студии грамзаписи начислить причитающийся т. Квятковской Ф.М. гонорар за песню "У самовара", а также исправить допущенную в выходных данных песни ошибку.

Генеральный директор

П.И. Шабанов."

— А каков ваш сегодняшний день, Фаина Марковна? — спросил я.

— О, сегодня я уже не легкомыс-

ленная варшавянка, греющаяся у самовара, — улыбулась Квятковская. — В последние годы работала я много для театра: три оперетты, детские новогодние спектакли. Сочинила музыку к нескольким кинофильмам, снятым на студии "Ленфильм". Две оперетты и сейчас идут, это "Девушка из Шанхая" и "Яхта любви".

— А вот прямо сегодня, сейчас, сейчас?

— Только-только закончила перевод на русский язык комедии английского драматурга Кеннана "Вы и ваша жена". Да, я была и в вашем Мурманске. 9 Мая 1946 года выступала в качестве ведущей в интерклубе, перед нашими и иностранными моряками. Программу вела на английском языке. Постепенно из таких выступлений сложилось целое представление, оно называлось "Кругосветное путешествие". А в Калининградской областной филармонии я даже выступала со своим джазом.

— Пора, — произнес все это время молчаливый Дмитрий Сергеевич.

Мы вышли в пронизанную солнцем прохладе августовского полдня, а через минуту, прежде чем застучать каблучками по гранитным ступенькам станции метро "Гостинный двор", пани Фаина оглянулась и, словно юная варшавянка, послала нам с Дмитрием Сергеевичем воздушный поцелуй.

...До 1991 года, когда скончалась Фаина Квятковская, оставалось семь лет.

...Не у каждой хорошей истории бывает счастливое продолжение, но у этой было. Встречаюсь в Киеве в одной интересной музыкальной компании и известным музыковедом Леонидом Шамотой. Вскользь касаемся темы музыкальных загадок, и на мое короткое: "Ну, хотя бы возьмем небезызвестную Машу, с не менее известным самоваром..." — мастер восклицает:

— Вот-вот. Итак, слушай сюда, как говорят в твоей Одессе. Получай!

В конце 50-х — начале 60-х годов я часто гостил в Москве у своей одинокой тети. У нее была закадычная подруга, с которой они не только отмечали все праздники, но и вместе ходили на дни рождения родственников подруги. Однажды во время одного из моих приездов они предложили пойти с ними и мне, пообещав, что меня там ждет приятный сюрприз.

В большой комнате в доме на Фрунзенской набережной за столом сидели человек десяток примерно одного с тетей возраста, не спеша ели, пили и тихо разговаривали, ожидая какого-то Ледю. Наконец, звонок в дверь, от которого за столом все как бы встрепенулось и почти хором воскликнули: "Ледя! Это Ледя!". Через минуту на пороге

появился загадочный Ледя. Взглянув на него, я обомлел — это был Леонид Утесов. Он подошел к столу и начал со всеми здороваться, найдя для каждого какие-то особые шуточные приветственные слова. Леонид Осипович подошел и ко мне, протянул руку и весело спросил: "Кто этот молодой человек? Почему я его не знаю?"

Я был в шоке и не мог вымолвить ни слова,
За меня ответили, сказав, что я из Киева.

— Из Киева? — переспросил Утесов. — Чудесный город! Я всегда с большим удовольствием приезжаю на гастроли в этот город. Какой вы счастливый, что в нем живете! Я много повидал разных городов, но Киев просто уникален по красоте, почти как моя Одесса... Давайте знакомиться. Я — Утесов. А вы?

За меня опять ответил кто-то из сидящих за столом.

— Вы тоже Леонид? А вы случайно не певец, а то я уже ухожу с эстрады, а нового певца Леонида что-то не вижу.

Он словно понял мое смущенное состояние, как-то тепло, по-отцовски, обнял меня, повел к столу и уселся рядом и, как мне казалось, больше всех уделял внимание мне, успевая под общий смех отпустить шутки и рассказывать анекдоты.

Пришло время пить чай, и на столе появился большой самовар. Кто-то пропел строчки из знаменитой утесовской песенки: "У самовара я и моя Маша..."

— А кто из вас назовет автора этой песни? — хитро прищурившись, спросил Утесов.

Присутствующие стали называть разных авторов, в том числе и самого Утесова, но, как оказалось, настоящего автора никто не знал. Я вспомнил, что на одной старой пластинке с этой песней в исполнении неизвестного тогда мне певца была указана фамилия автора — Гордон. Ее я и назвал. Утесов удивленно посмотрел на меня и воскликнул:

— Мой тезка прав! Только Гордон — не он, а она, Фаина Квятковская. Она живет сейчас в Ленинграде, а Гордон — это ее девичья фамилия. А вы, Леонид, если не собираетесь быть певцом, то, может, станете музыковедом?..

Я тогда и подумать не мог, что эти слова великого артиста станут пророческими...

Недаром Дмитрий Сергеевич любил повторять: "Ходи по главной дороге и знай, что бы тебе не повстрчался на ней, обязательно будет человеком интересным и достойным. А это всегда подарок на всю жизнь".

Только и остается сказать мне, пусть и с опозданием: "Спасибо тебе, мудрый старец и добрый странник".

Жанна ЖАРОВА**Волшебный миф**

Как в Рим — в Одессе к морю все дороги.
Забыты все домашние тревоги,
Морской песок то обжигает ноги,

Но, как и прежде, вспенивает воду
скалистый риф.
Какие клады в глубине сокрыты?
Какие тайны морем позабыты?
Из вод твоих выходит Афродита —
волшебный миф!

А море в утренних лучах играет,
В глаза мне зайчик солнечный пускает,
То шепчет стих, то песню напевает —
но не молчит.

О Понт Эвксинский! Здесь Сирены пели,
Титаны вышли из твоей купели,
Ты моряков качаешь в колыбели
своей волной,

То как гроза бушует и грохочет,
То как котенок пятки мне щекочет,
Волной прильнет к плечам, как будто хочет
меня обнять...
Ты для меня — лекарство от недуга!
Мне не сыскать на свете лучше друга!
Как хорошо с тобой в часы досуга!
(Но где их взять?)

И дух Гомера над тобой витеает,
И море свой гекзаметр читает,
И в такт волнам цезуру отбивает
морской прибор.

Лето

Дай мне испить вино твоей свободы!
Пусть чайкой белой пролетают годы,

И вереницей облака,
И ветер гребни волн срывает,

И друга милого рука
Меня за плечи обнимает,
И привкус соли на губах,
И солнце светит с небосвода,
И яхты в белых парусах,
И пахнет морем — и свободой...

Моя Одесса

Кирпичная стена и дикий виноград,
В чугунных вензелях затейливый фасад,
Над Дюковским прудом склонившаяся ива
И трех мостов сквозная перспектива.

Создатель Эсперанто — Заменгоф —
Во дворике, на клумбе для цветов.
Зачем он здесь? И по какому праву
Так строго смотрит сквозь очков оправу?

От створного огня на небе красный луч,
И пламя "Крекинга" на фоне низких туч,
Приморского бульвара колоннада,
Лузановка, Фонтаны и Отрада,

Где яркий солнца свет слепит глаза,
И спорят неба синь и моря бирюза,
И желтая скала, и зеленые травы на склоне,
И два шара на нашем Ланжероне.

Мощенный плиткой двор —
коленки в синяках,
И вкус шелковицы забытый на губах,
И перед мамами разыгранная пьеса —
Мир детства моего — моя Одесса.

Год замыкает кольцо

Близится осень.
Листья еще зелены, но пожелла трава.
Стылая просине
В утреннем небе — и теплой волны синева.
Ветра порывы
Волосы треплут и шляпы срывают с голов,
Беглым курсивом
В небе печатая строчки шальных облаков.
Шквал налетевший
Море покроев барашками — брызги в лицо!
Шагом неспешным
Лето уходит, и год замыкает кольцо.
Шепотом сонным
Зашелестят, залепечут дожди за окном
Так монотонно...

...Холод ночным сквозняком
пробирается в дом.
Близится осень.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. 77-33-705).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N _____.
Газета отпечатана в типографии "СІС".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маршаловская, 7.
Тел. 724-01-35.
www.odessitclub.org.